

Список моих двадцати книг открывает тема Тибета. Возможность «вознестись в Шамбалу» дважды — в 50-х и в 90-х годах — считаю подарком судьбы. В 1955 году я стал первым россиянином, которому посчастливилось проехать в Тибет по только что проложенной туда автомобильной дороге, встретиться с далай-ламой в Лхасе и с панчен-ламой в Шигатзе.

Четыре десятилетия спустя тот же путь потребовал не трех недель пути в тряском джипе, а всего двух часов полета. Однако на четвертый день пребывания в Лхасе меня госпитализировали с острым отеком легких из-за высокогорной болезни. Повторить подвиг собственной журналистской юности оказалось делом рискованным. Пришлось вспомнить назидательную японскую пословицу: «Кто ни разу в жизни не поднимался на вершину Фудзи, тот дурак. Но кто вздумал сделать это дважды, тот дважды дурак...»

Впрочем, судьба оказалась ко мне милостивой. Местные врачи за неделю поставили на ноги. И я успел своими глазами убедиться, что хотя Тибет во многом изменился, он остался Тибетом. Перестав быть заповедником средневековья, он сохранил свой уникальный колорит.

Прочитав эту книгу, вы узнаете, почему в Тибете сохранилась такая своеобразная форма брака, как многожество. Почему покойников там не хоронят, а скармливают стервятникам. Вы узнаете, как ламы-враче-

ватели открывают своим ученикам «третий глаз», дабы увеличить их способности к ясновидению.

В книге «Своими глазами» собраны путевые дневники, которые я много лет надиктовывал на пленку во время зарубежных поездок. Эти личные впечатления очевидца не касаются политических проблем, зато помогают ощутить атмосферу каждой страны, особенности ее быта и традиций, рассказывают об ее исторических памятниках. А камни прошлого, как говорил Рерих, — это ступени в будущее.

Думая о композиции книги, я решил начать с самых дальних краев к востоку от Москвы, а кончить самыми дальними на запад от нее — то есть расположить заметки в виде воображаемого кругосветного путешествия через двадцать четыре страны — от Новой Зеландии до Перу.

Через всю книгу лейтмотивом проходит мысль о том, что корни различных культур и цивилизаций тесно переплетены. Несмотря на отсутствие реактивных самолетов, телевидения и Интернета, народы с глубокой древности общались и влияли друг на друга гораздо больше, чем мы нынче можем предположить.

ВОЗНЕСЕНИЕ В ШАМБАЛУ

Сто дней под
небом Тибета
50-х и 90-х

МАЛИНОВЫЕ СНЕГА ПОД ЧЕРНИЛЬНЫМ НЕБОМ

Золотые лампады Поталы

Непривычно темное, чернильно-лиловое небо, малиновые снега на вершинах гор. Неожиданно убеждаешься в реалистичности картин Николая Рериха. Сознаешь, что сказочно-былинный колорит его гималайских полотен — это явь Тибетского нагорья, одного из самых труднодоступных мест на земле. Именно здесь, по преданиям, скрыта загадочная Шамбала — обитель мудрости, где земная жизнь может вступить в соприкосновение с высшим разумом небес.

В 1955 году мне довелось первым из россиян проехать Тибет на автомашине по только что проложенной туда дороге — через четырнадцать горных хребтов, через верховья великих азиатских рек — Янцзы, Меконга, Брахмапутры. И вот я снова на «крыше мира». Благо по воздуху путь от Чэнду до Лхасы занимает уже не три недели, а всего два часа. Рейсовые самолеты приземляются тут на рассвете, пока еще дремлют воздушные вихри над горами. И сразу же возвращаются обратно.

Ну а я, осторожно дошагав до машины (при разреженном воздухе высокогорья любое энергичное движение тут же отдается лихорадочным стуком сердца), отправляюсь из аэропорта в Лхасу.

Сто километров пути. И вот я снова стою как зачарованный пе-

ред бело-красным фасадом дворца Потала. Словно подчеркивая его устремленность к небесам, над золотыми кровлями парит бумажный змей. И тут в памяти вспыхивает встреча с далай-ламой 14 сентября 1955 года.

Водрузив мне на шею хата — почетный снежно-белый шарф, — высший иерарх ламаизма сказал:

— Бумажный змей над дворцом — знак большой осенней луны, когда тибетцы отмечают праздник урожая, купаются в горячих источниках, собирают целебные травы. Это лучшая пора, чтобы оказаться здесь не только в первый, но и во второй раз...

Мог ли я тогда предположить, что судьба вновь забросит меня в Тибет как раз в сороковую годовщину этого разговора — буквально день в день. Чудеса, да и только! Лишь теперь, перечитывая «Шамбалу сияющую» Рериха, я заново осознал фразу о том, что личные покои каждого далай-ламы во дворце Потала, по традиции, принято расписывать фресками о его предстоящей жизни. Неужто способность заглядывать за горизонт времени действительно существует?

Своим суровым величием дворец Потала был бы способен доминировать над любой современной столицей. Какой же благоговейный трепет вызывает он у тибетского паломника, прожившего всю жизнь в палатке из ячьей шерсти! Трудно поверить, что этот тринадцатизэтажный комплекс из 999 дворцовых помещений был возведен на крутой скале еще в VII веке. В отличие от большинства знаменитых архитектурных ансамблей Востока композиция Поталы развернута как бы в вертикальной плоскости.

Дворец открывается взору сразу весь, целиком. Его стены скошены, как грани усеченной пирамиды. Они словно повторяют лейтмотив окружающей природы: контуры горных склонов. Эта

особенность врезалась мне в память еще в прошлый раз. Теперь же, изрядно поездив по свету, хочу отметить и другое: поразительное сходство тибетской национальной архитектуры с историческими памятниками доколумбовой Америки. Например, с такими сооружениями народа майя, как Ушмаль на территории нынешней Мексики, или с таким творением инков, как Мачу-Пикчу в Перу.

К тому же зодчеством дело не ограничивается. Одежда, быт, даже этнические черты нынешних обитателей Анд и полуострова Юкатан как бы подтверждают гипотезу о том, что Америка была заселена выходцами с Тибетского нагорья, которые пересекли Берингов пролив по перешейку, некогда соединявшему его берега. Не случайно своим внешним видом тибетцы прежде всего напомнили мне американских индейцев, знакомых по романам Купера и Майн Рида. Резко очерченные лица; горделивая осанка людей, привыкших носить оружие; присутствующая не только женщинам, но и мужчинам любовь к украшениям (перстням, серьгам, браслетам). В этом смысле тибетцы чем-то напоминают цыган — кстати сказать, тоже выходцев из Азии, из Индостана.

Впрочем, о том, что корни национальных культур различных народов с давних пор глубоко переплетены, есть много бесспорных свидетельств. В самой древней части Поталы — пещерном молитвенном зале — можно увидеть статуи тибетского царя Сронцзан Гамбо и его жены — китайской принцессы Вэнь Чэн. Впервые объединив населявшие нагорье племена, этот царь основал династию Тубо (от названия которой, видимо, и произошло слово Тибет) и попросил у китайского императора Тайцзуна руку одной из его дочерей.

Во времена династии Тан китайская столица Чанань была одним из центров мировой цивилизации, на-

чалом Великого шелкового пути в Среднюю Азию, на Ближний Восток и в Европу. И неудивительно, что принцесса Вэнь Чэн привезла с собой ученых и умельцев, которые положили в Тибете начало многим наукам и ремеслам. Именно с той поры связал соседние народы «чайный путь», который служит для жителей нагорья жизненно важной артерией вот уже более тринадцати столетий.

Дворец, построенный в честь бракосочетания тибетского царя с китайской принцессой, восхищает строгой гармонией линий и благородным сочетанием цветов — золотого, белого и красного. Кровли из листового золота. Беленые стены и красновато-бурые, как запекшаяся кровь, карнизы из выкрашенного охрой камыша. Возведенная в VII веке Потала была сожжена ударом молнии, а затем почти полностью разрушена во времена Ландармы — противника ламаизма. Но в XVII веке при пятом далай-ламе дворец восстановили по сохранившимся фрескам, и в своем нынешнем виде он существует 350 лет.

Внутри Потала впечатляет прежде всего мрачной массивностью. Крутые лестницы со стертыми каменными ступенями. Узкие, как бойницы, окна в стенах метровой толщины. Низкие потолки опираются на четырехгранные деревянные колонны, покрытые резьбой. В центральной, «красной» части дворца рядом с личными покоями далай-ламы находятся погребальные ступы его предшественников. В самой большой из них покоится пятый далай-лама. Внимание привлекает матовый зеленовато-желтый металл, которым покрыта эта пятнадцатиметровая бутылка, украшенная драгоценными камнями. Листовое высокопробное золото!

Из него же сделаны и расставленные вокруг огромные лампы. По размеру они больше похожи на купели, ибо в каждую входит по два-три

ведра топленого масла. За сутки в тибетском монастыре его сгорает несколько десятков вьюков — груз целого каравана. Жирная копоть оседает на балках перекрытий, делает скользким каменный пол, сгущает неотвязный запах, который господствует в этом краю повсюду, — запах прогорклого ячье-го масла. Тибетцы жгут его в лампадах, заваривают с ним кирпичный чай, мажут им лица, чтобы защитить кожу от солнца и ветра.

С плоской крыши Поталы хорошо видно, как безликие здания современной постройки обступают историческую часть Лхасы, ядром которой служит храм Джокан. Царь Сронцзан Гамбо возвел его в 648 году специально для статуи Шакьямуни, привезенной из Китая принцессой Вэнь Чэн. Тогда же он объявил государственной религией буддизм и повелел создать тибетскую письменность для перевода его канонических книг. По преданию, эта фигура Шакьямуни возникла сама собой из золотых слитков и имеет портретное сходство с юным Буддой. Основание статуи скрыто под грудой пожертвованных храму драгоценных камней. Их лучше сторожевых собак охраняют черные коты. Они бесшумно появляются из мрака и впиваются в горло тому, кто дерзнет протянуть руку к сокровищам.

Фигуры двух ланей, обрамляющие «колесо жизни», сверкают на золотой кровле монастыря Джокан. Перед входом в него разрослась священная ива. Тут всегда можно видеть паломников, совершающих обряд «простирая ниц».

В первом месяце по тибетскому календарю на площади перед Джоканом проводится десятидневная церемония великого богослужения, учрежденная еще в 1409 году. На нее собирается свыше ста тысяч паломников. Много их тут и в обычные дни. Нигде, пожалуй, так остро не ощу-

щаешь, сколь сильны религиозные чувства тибетцев, сколь важную роль в ламаизме играет идея о том, что «жизнь нынешняя есть следствие прошлой и причина будущей».

Колесо жизни

Ламаизм не требует от мирянина знания священных текстов. Штудировать 108 томов Кангиура — дело монахов. Верующему достаточно повторять одну-единственную фразу: «Ом мани падме хум», то есть «Будь благословен рожденный из лотоса». Причем даже эти четыре слова можно твердить как бы символически, если вращать по часовой стрелке барабан, на котором они написаны. Ряды таких латунных цилиндров на вертикальной оси тянутся вдоль стен Джокана, образуя первый из трех священных кругов Лхасы. Вторым служит улица Палкхор, опоясывающая храм снаружи. И наконец, третий — девятикилометровая улица Лингкор — огибает всю древнюю часть города, включая и дворец Потала.

Само движение по этим кругам равнозначно молитве, если паломник повернут к святыне правым плечом. Ибо вращение по ходу солнца символизирует круговорот времени, причинно-следственную связь прошлого, настоящего и будущего. Вечное вращение «колеса жизни» олицетворяет и свастика. Нацисты считали Тибет прародиной арийской расы. Но примечательно, что они сделали своей эмблемой не буддийский символ, а знак обратного движения.

И позаимствовали его из языческой тибетской религии бон, прозванной в народе «черной верой», религией тьмы.

Богомольцы шагают по священным кругам Лхасы, крутя молитвенные вертушки. Не парадокс

ли: веками обходиться в быту без колеса, пользуясь им лишь для молитвы! Впрочем, есть и более впечатляющий способ выражать религиозный экстаз. Паломник воздевает руки над головой, сводит их перед грудью, опускается на колени и расплывается по земле. Затем делает несколько шагов до места, куда дотянулись его руки, и снова падает ниц. Чтобы сделать круг по улице Лингкор, нужно совершить до пяти тысяч таких падений. (Чтобы не стереть в кровь кожу, надевают наколенники и нечто вроде рукавиц.) А ведь есть подвижники, мечающие телом свой путь из дальних окраин Тибета. Прежде они добирались сюда таким способом даже из Монголии, Непала, Бутана.

Второй священный круг Лхасы — улица Палкхор — самая красочная часть города, доньше сохранившая его средневековый колорит. Это типичное торжище у храма, сплошной базарный ряд. Возможно, это и первая в мире улица с односторонним движением, хоть и без соответствующих знаков. Ибо поток людей движется тут строго в одну сторону, обтекая рассеявшихся посреди дороги нищих, юродивых, монахов, нанятых кем-то читать сутры, и перешагивая через множество дремлющих в пыли бездомных собак. Обычай требует: идти правым плечом к святыне. Стоило мне обернуться назад, чтобы сфотографировать не спины, а лица, как это вызвало недовольные взгляды.

Впрочем, останавливаться у лавок и вести отчаянный торг по обычаям восточного базара отнюдь не возбраняется. А торгуют на Палкхоре всем, что может понадобиться тибетцу, что производят здешние ремесленники, скотоводы, земледельцы. Священные книги, отпечатанные с досок в лхасских монастырях. Серебряные украшения из Шигатзе. Ковры из Гьянтзе.

